

Павол Яник

Починка Титаника

Словацкая поэзия XX и XXI века

Гриф
Калуга – 2004

ББК 84

Я 62

Яник П.

Я 62 Починка Титаника. *Словацкая поэзия XX. и XXI. века.* –

Калуга: Издательство «Гриф», 2004. – 152 с.

На обложке - фрагмент художественной фотографии словацких фотографов Лацо Челлара и Ивана Вацлавика "Две стороны монеты".

© Павол Яник, автор, 2004

© Наталия Шведова, переводчик и редактор, 2004

© Елена Тамбовцева, переводчик, 2004

© Дарья Анисимова, переводчик, 2004

© Ладислав Челлар и Иван Вацлавик, фотографии, 2004

© Издательство «Гриф», Калуга. 2004

ISBN 5-89668-085-6

О Павле Янике – поэте

Словацкий поэт Павол Яник родился в 1956 г. в Братиславе. Закончил театральный факультет Института музыкального и театрального искусства по специальности «кино- и телеграматургия и сценаристика». Работал в Министерстве культуры Словакии в 1983–1987 гг. (министром тогда был один из интереснейших словацких поэтов Мирослав Валек), затем в стретствах массовой информации, в рекламе. С 1988 г. – секретарь, с 2003 г. – председатель Общества словацких писателей. Поэтические сборники: «Недостоверные известия» (1981), «Зеркало в конце лета» (1984), «До свидания во множественном числе» (1985), «Ура, горит!» (1991), «Кто-то как Бог» (1998), «Да будет запах твой» (2002), «Частота колебаний твоих бедер» (2002). Российскому читателю мы предлагаем избранное из всех этих книг, кроме последней. Яник издал также сборники афоризмов, драматические произведения, специальные труды.

Чтение стихов Яника – это и познание, и получение эстетического удовольствия. Стихи умны и красивы, парадоксальны и ироничны, серьёзные размышления в них облечены в чёткую, броскую форму. Ещё молодым поэт задумывался, в частности, о горестном уделе стариков («Мольто адажио»). Всё чаще он обращался к философским вопросам, прежде всего экзистенциальным.

Яник любит разбивать и смешивать фразеологизмы и идиомы, совмещать куски слов, тем самым играя и со смыслом. Из-за этой лингвистической игры (порой довольно длительной) ряд произведений Яника трудно или невозможно перевести. Нужно именно «пересочинить» такие стихи. Например, поэт многосторонне обыгрывает глаголы «взять» и «дать» (первый несёт в себе мужское начало, второй – женское), но фразеологизмы в разных языках совпадают далеко не всегда. Название сборника и стихотворения – «Да будет запах твой» (эротические ассоциации) – оказывается изменённой строкой молитвы «Отче наш»: в словацком достаточно заменить одну букву, и получится «Да будет воля Твоя». Стихотворение на основе молитвы обращено к девушке, имеет антивоенную направленность и кончается современно: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Энтер». Бог в нынешнем мире или его аналог – тема стихотворения «Кто-то как Бог». Яник плодотворно, хотя порой и рискованно, опирается на христианскую культовую традицию.

На русском языке стихи Яника публиковались в антологии словацкой поэзии «Голоса столетий» (2002), в журналах «Меценат и мир» и «Кольцо А» (2004).

Яник многое взял у живого классика 80-х годов, поэта трудной судьбы – Мирослава Валека (1927–1991), глубокого философа и виртуоза формы. Последний также любил тонкую игру слов, разъятые

фразеологизмы. Реминисценции из Валека щедро рассыпаны в стихах Яника, это опора на устойчивый пласт культуры. Достаточно сказать, что само название этой книги – «Починка Титаника» – является ответом на «Гибель Титаника» Валека (1963), поэмы о жизни и смерти в современном мире. И отношение к Богу перекликается с валековским, мучительно ищущим. На кончину Валека (он умер в 63 года) Яник отозвался проникновенными стихами, используя подчёркнуто близкие старшему поэту образы.

Яник, как и большинство современных словацких поэтов, пишет свободным стихом, но легко справляется и с традиционной формой силлабо-тоники (например, «Ода шестому чувству»).

Стихи Павла Яника, при их откровенной резкости в оценке человеческой жизни, оптимистичны. Пытаются починить «Титаник».

Наталья Шведова,
*поэт, переводчик, кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института славяноведения Российской академии наук*

Недостоверные известия

Лето

Солнце нам поразбивало окна.
С улицы лезет назойливое пение.

На целлофановом небе
осаждается пар.
Множатся недостоверные известия
о ветре.

Деревья первыми начинают поговоривать
о нас двоих.

Тебе

Ты приходишь от запаха.
Помятый цветок.
Я вдыхаю тебя, завитую узлом, как дым.

Ты живёшь на звёздном небе
и на циферблатах дигитальных часов.

Ты дурманишь меня надёжно
и быстрее, чем свет.

От тебя у меня болит голова,
и доныне я тебя путаю с музыкой.

Похищение

Я чувствую движение твоих ресниц,
как они взвихривают свет
где-то за горизонтом.
Как ты постоянно меняешься
и вместе с сумеркамиходишь
в сияние полей.

Дрожь созревающих садов!
Твой ароматный вздох яблок.

Ветер в твоих волосах
меня уносит.

Вмешательство

Когда воздух остановится
прямо перед твоим лицом
и проконтролирует объём лёгких,
когда солнце обратится к тебе
с условленным тайным словом,
только тогда это будет тебе ясно.

Горизонт можно перешагнуть
и думать о чём-то совсем другом.

Горные цепи спешно обнажают
бетонные конструкции вершин.
В кронах деревьев стрекочут телеграфные станции.

Ты звучишь на октаву выше.

Единственная ракета
легонько чекнёт по небу зелёным светом.

И так я тебя непрерывно познаю
и настраиваю дыхание по твоему.

Рояль

Когда у каждого будет свой ключ
от той самой квартиры,
я перенесу кусочек сада
на второй этаж.

Когда-нибудь я и сам туда приду.
чистый
и тщательно выбритый,
слушать домашние концерты.

Наверняка приду,
неуклюже, как рояль,
и всегда так же, как он, настроенный.

Супружество

Было нас двое,
и осталось от нас
лишь неопределённое количество рассветов
и сумерек.

С тех пор я блуждаю по душам невозникших вещей,
о которые постоянно спотыкаюсь.

Каждый день я вижу, как ты отцветает
в объятии трав.

И овладевает мною страх
из-за свободно передвигающихся животных.

Каждый день я тебя вкладываю в глаза,
как детский рисунок,
и затаиваю дыхание.

Зеркало в конце лета

Слово

В начале было слово.
И это слово было
на бумаге.
Неслышимое.
Слово, которое можно прикрыть
ладонью
или другими непрозрачными вещами.
Слово, которое можно сложит
или смять.
Слово, которое ждёт,
когда его кто-нибудь заметит.
Слово, которое страдает
ощущением неполноценности.
Слово, которое не пользуется спросом.
Словом:
слово
на бумаге,
даже когда в начале,
и, значит, первое.
Собственно, лишь написанная тень
слова,
той единственной вещи,
которой владеют тело и душа совместно.

Без слов

Нас разделяют только три звука
в конце твоей фамилии.*

А какое бы то могло быть
совершенное совпадение,
не будь этих двух слогов,
какое созвучие,
не будь той вообще-то человеческой речи,
которая нас понимает,
а потому оставляет нас в одиночестве –
без слов.

На первый взгляд
достаточно понятых.

* Имеется в виду окончание фамилий в словацком языке:
к мужской фамилии (отца или мужа) прибавляется «-ова».

Преждевременно

Как будто бы я в полдень
точно по расписанию поездов
потерял память.

Так ты пронзительно и недвусмысленно уходишь.

На опустевшей территории бушует зима,
словно маленькое землетрясение.

Это под землёй взрываются запахи,
пока ты натягиваешь всё более тонкую струну.

Когда она лопнет,
вспыхнет в этом краю весна.

Однажды

Мы хотели наклонить
кинотеатр,
наклонить большой зал
и лечь
на серебряный экран.

Как будто нам было некуда деваться.

Непроизнесённая

До сих пор ты не высказана.
Я отчаянно учусь произносить тебя
совершенно отчётливо,
как звучит свет, когда он дробит прозрачные стёкла.

Пока я только читаю по слогам
повреждённые формы вод
и испорченные краски воздуха.

Так ты остаёшься невыраженной,
неотличимой от других явлений природы,
уподобленной
теплокровным животным.

Я учусь тебя выговаривать,
вынимать из кристаллов, капель и звёзд.

Видны от тебя лишь мороз,
дрожащий в зазвучавших зеркалах,
и музыка, спящая в древесине.

Ты всё ещё незаметна,
как история неразличима
в событиях,
хотя именно она – то, что их переживёт.

Квартира

Электричество
выступает из стен,
будто светлые пятна на рентгеновском снимке.

Вода
напоминает начало мира
первый фонтан из детства
в парке курортного города,
который мы вдруг увидели.

Газ –
это согревающее ощущение дома –
тебя долго, до самой ночи,
освещает синим светом.

Зеркало в конце лета

I

Ты на расстоянии
телефонного номера из 13 цифр
где-то на террасе
белого прибрежного дома,
до черноты загоревшая,
высоко над уровнем
лазурных вод.

Ты снишься мне
уже девятую ночь,
загадочная, как зеркало
в конце лета.

Ежедневно включаю телевизор
в надежде,
что тебя хоть мгновение увижу.
Подробно изучаю
все новости мира
и не перестаю надеяться.

Обегаю концерты и картинные галереи,
но ты везде от меня ускользаешь.
И в библиотеках
тебя положили
в недоступные фонды.

Такова судьба
драгоценных вещей.

II

Ты на расстоянии
телефонного номера из 13 цифр
где-то на террасе
белого прибрежного дома,
до черноты загоревшая,
высоко над уровнем
лазурных вод.

Ты снишься мне
в ровном дыхании
ожидающих детей
и в однообразном звуке
автоматической стиральной машины,
которая так старательно
вспенивает наше маленькое домашнее (лазурное) море.

Так и засыпаю
с верой в солнечные дни
и в твоё скорое возвращение.

Приди!
Кроме детей и меня,
тебя ждёт
куча выстиранного белья.

Натюрморт в пепельнице

Вновь стекло
в горле блеск свой запекло.

Только не мудруйте пылко.
Всё здесь сделает бутылка.
Балерина хрупкая.
Мы в плену, она ничья.

Кружение

Равномерно и быстро,
всё время по кругу
он сам себе снится.
Старый невыносимый вентилятор.

У него кружится голова
от дыхания пьяниц.
Он выдумывает, что он вертолёт.
Вертится.
Наблюдает.
Видит и слышит.
Знает больше, чем остальные.

Треском
он бесцеремонно отбирает слово
у ораторов на трибунах в кафе.

Ему уже пора в политехнический музей,
на пока что он попал только в литературу.

По случаю

Я люблю случайные стихи.

Их летучие занахи
и ослепительные краски в воздухе.

Их искренние слова,
подлинные вздохи
и настоящие восклицания.

Ночные водопады,
парчовые луны
и башенные концерты
люблю в них больше всего.

Когда сумерки упадут на наш квартал,
я окину взглядом
нашу арендованную квартиру
и на цыпочках войду в спальню
прилечь к тебе.

Потому что люблю случайные стихи.

Их внезапные слова,
стремительные звуки
и неожиданные выкрики.

До свидания во множественном числе

Ex offo

Каждый день я беру в руку ручку
с опасениями, что это совсем напрасно.
Над бумагой напозаают тучи администрирования,
как тяжёлые непрозрачные драпировки.

Наступает усовершенствованная,
неонами освещённая
канцелярская тьма.
Не видно в ней ничего из жизни,
кроме дешёвой казённой мебели,
по-разному настроенных физиономий коллег
и всегда одинаковой крыши соседнего дома.
И к тому же, чтобы отделаться,
кусок неба,
частный цветочный горшок
и телефон, кторой нас как дудто соединяет с миром.
Но мы хорошо знаем,
что он нас соединяет только с другими канцелярскими.
Нужно подчеркнуть,
что и это лишь тогда, когда он не испорчен.
Чего у нас уже давно не было.

Мы ничего не видим
и ни о чём не знаем.
Мы ничего не знаем о том,
что на дневном свету
на поверхность усердно пробиваются новые источники,
из всех отверстий земли
брызжет загадочная вода.
Чистая и справедливая,
отмеряющая время
и остальные меры нашей жизни,
настойчиво ощущая дорожки для возвращения в землю.

С неба внезапно слетают птицы,
самолёты, кометы и другие небесные предметы.
В галереях падают картины со стен
и статуи с пьедесталов.

Что-то происходит.
Что-то началось.

Синими чернилами
я записываю пульс,
число мёртвых, размер причинённого ущерба,
междугородные разговоры и перерывы в рабочее время.
Я знаю, что эти стихи мне придётся возместить,
или я их отработаю в выходной день
по предварительному согласованию с начальством.

Le poéme de luxe

После прогулки во французском бесстрастном саду
следует посещение английского парка.
Потом за несколько минут до обеда
в замке стиля барокко
на столе в стиле рококо с телефоном марки Tesla
ручкой фирмы Sunpearl
пишу на оборотной стороне списка чешских писателей
словацкое стихотворение.

За окнами второй половины восемнадцатого века
на асфальтовом шоссе свистят шины быстрых автомобилей
и конная упряжка топчется на месте.

Воспоминание

Я всё время вспоминаю
трёхсоткилометровую поездку
на такси
из столицы,
почти забытую служебную командировку,
совершённую вместе с супругой
нашего первого космонавта.

До сих пор я не перестаю задавать себе глупый вопрос,
каков скрытый смысл
этого случайного воспоминания?

Остальные спрашивают только о том,
во сколько обошлось то такси
и кто за него заплатил.

Не знаю.

Неотложное стихотворение

Ты постоянно приходишь мне в голову,
как неотложное стихотворение,
чтобы подрывать устоявшиеся взгляды на жизнь
и изменять приемлемые представления о мире.

Ты непрестанно приходишь,
чтобы электризовать
непоколебимое убеждение,
что человек – самодостаточное существо.
Так мы проживаем неизменно и неотъемлемо вместе.
далеко друг от друга
свою двуединую мечту.

Ты постоянно приходишь мне в голову,
когда меня от сна отрывают налёты
тем, образов и образин поэзии.
И потому я знаю, что все вещи неотделимо связаны
точно так же, как мы с тобой.

Вот это неотложеное стихотворение,
мораль которого ты меня вынуждаешь умолчать,
словно тайну,
в котором нет места для других
и которое прекрасно обойдётся без слов
и иных свидетелей.

Мольто адажио

Старые люди преселяются.
Медленно и неуклюже,
не по собственной воле
и без помощи других.
Они тяжеломерно перетаскивают свою старомодную мебель,
допотопные взгляды
и неизбывные боли в суставах.

Трясущимися руками
они тщетно ищут выключатели
на незнакомых стенах
нового обиталища.
Они не могут зажечь свет
в потёмках одиночества и неосознанности.

Они напрасно произносят все слова,
которые ещё с трудом вспомнят.
Уже им ничего не говорят
их собственные слова.
Они их не понимают.
Они забыли, для чего это служило.
Ничего оно им не напоминает.

Им. Почтенным и уважаемым лицам,
которых нужно окружить почётом и благодарностью.

Старые люди преселяются.
Затянуто и неловко,
неумышленно
и совсем одни.
Они нескладно перетаскивают свою стародавнюю мебель,
пережитые взгляды
и назойливые боли в суставах.

Настойчиво и неприятно
они нас касаются
дрожащими конечностями.
Тягостно трогают нас за горло.

Старые люди преселяются

в нас.
Понемножечку и коряво,
волей-неволей
и собственными силами.
Мы с усилием перетаскиваем свою устарелую мебель,
изношенные взгляды
и ноющие суставы.
И прочие вещи,
которые уже отслужили.

Незаметно и неотвратно
мы становимся почтенными и уважаемыми лицами,
которых нужно окружить почётом и благодарностью.

Усердно и угнетающе
мы продлеваем развитие событий,
непрерывно сдвигаемся в последовательности действий,
явно как часовые стрелки.

Головой мы направлены
отвесно вниз,
готовые пробить точное время.

А над нами
непонимающе зевает
синее небо,
на котором ветер перемещает блестящие зеркала памяти.

Ура, горит!

Договор о перемирии души и тела

Я думаю о памяти усопших
мясников и ремесленных убийц.
Меня ослепляет их белоснежная, гигиеническая,
профессионально совершенная смерть.
Их души без плёнок и костей
напоминают лампы,
изготовленные из детского дыхания
и радуги, окутывающей
нежнейшие слова,
шёпотом произносимые
в морозном воздухе.

Я думаю о памяти усопших
таксистов и официантов.
Меня трогает их судьба искупителей
этого непродажного мира.
Их абстрактные души
с паролем
и четырёхпроцентной прибылью.
Их выигрышные
и конвертируемые души,
размножающиеся безналичным контактом.

Я думаю о памяти усопших
проституток и доносчиков.
Об их верных, чистых,
немного напуганных глазах,
абсолютном параболическом слухе
и электромагнитном запоминании.

Их продрогшие душеньки дрожат
в синеватой музыке
лунного сияния.

По моим внутренним стёклам
стекает горящий спирт.
Я потерял ключи от себя.
И теперь я бессильно присматриваюсь,

как во мне угасает
чья-то невыносимая душа –
бессмысленная и сверкающая,
как ночной город.

Дерево в первом лице единственного числа

Однажды вечером
дерево поняло:
ты само по себе дерево.

Я думаю, следовательно я дерево.
Дерево равнодушное.
Дерево грустное и работоспособное.
Дерево вдобавок к тому совсем никчемное.
Дерево, как все.
Дерево, занятое мыслями.
Дерево, умирающее стоя
и после получения аттестата зрелости.
Дерево после вручения диплома и после увольнения в запас,
влюблённое и капризное.

Так дерево снилось дереву,
пока дерево от одного такого дня
совсем не сошло с ума.
Дерево от этого совершенно спятило.

Нарастить себе ум

С минуту я колебался,
какой дорогой входят внутрь,
а потом – столько зеркал,
как после смерти или во время неё,
и столько нереальных девушек
в мелководье стекла.

Там, куда я вошёл в последнюю очередь
ещё мальчиком, с портретами
Пьера Бриса и Лекса Баркера в кармане,
сейчас находится окно маленькой пивнушки.
А над ним постоянно появляются
устрашающие знамена
красных неларгоний.
Эти непреклонные семафоры,
которые не позволяют мне
говорить по ветру
и отворачиваться,
если на меня надвигается стена.

Я дорос
до высоты оклада,
долготы долгов,
средней исторической широты,
до размера,
когда эпоха сажает на диету.

Сейчас у меня растут только волосы,
понемногу и в общем-то зря.
Вот так я и решил
нарастить себе извилины
и лишиться покупной силы
немощного Самсона.

У стола

Лазарет полевых цветов
в вазе.
Столько белизны,
от которой стынет кровь в жилах.

Так и вянем вместе,
оторванные
от жизни.

Ехегі monumentum

Я ужасаюсь скромности
нуворишей и поэтов.

Я люблю смирение тех,
кто ставит себе намятники
или хотя бы гаражи.

Хризантематика

В пишущей машинке
и типографской краске
умирают стихи,
в которых стучала
неукротимая и надменная
голубая кровь
благородных чернил.

Сон из стекла

В исчезающем блеске
пражской гостиницы «Алькрон»
я наблюдаю, как спишь на дне зеркала.
Жасминовый ветерок
разносит твои видения,
шумит твоими немymi мечтами.

Все радиостанции
передают биение твоего сердца.
В трубках
всех телефонов
слышно твоё дыхание.
По всем телевизионным каналам
показывают в прямой трансляции
из зеркала в гостинице «Алькрон»
твоё спящее лицо.

Я телекамера
твоего стеклянного сна.
Мне снятся твои хрустальные грёзы.

Ты игристо во мне моросишь.
Твоя нагота закрывается
туманом гостиничных занавесок,
который я тщетно пытаюсь раздуть
последним выдохом перед засыпанием.

Поздно.

Летающие влюблённые
нежно гасят
вечерний мегаполис.
Танцевальная пара
из фиолетового неона
сонно мерцает
на тёмно-синем небе.

Дипломаты,
сшитые из сатина
и набитые мольными пузырями,

оставляют оперные представления,
концертные залы и приёмы
и в лимузинах,
сконструированных из воздуха,
тьмы и сверкания звёзд,
утеляют, словно кометы,
в казённые постели
в полумраке посольств.

Кончатся садовые торжества.
Цветущие деревья
пьют из фонтанов.

На площадях
без стеснения и волнения
крутят любовь статуи
всех времён,
художественных направлений
и размеров.

Неутомимые таксы, машины скорой помощи
и патрульный транспорт
тихо опускаются на дно реки,
тогда как испуганные рыбы
включают сирены тревоги
и зажигают цветные маяки
страха.

Над пустыми улицами реют
опаздывающие прогулочные корабли,
полные взволнованных огней,
и укладываются
в последние свободные витрины.

Поздно.

С самых высоких этажей неба
не спеша и медленно
падают мигающие лампы.
На крыльях ночных бабочек
сияет фосфор.

Слышно,
как тысяча одиноких башен
дышит
полуночным латунным воздухом.

Мне бы так хотелось
и самому тебе присниться.

Четыре последних такта тишины

Темнеет в выставочных залах,
в карминно-красных глазах танцовщиц,
в центральных люках
их монументальных грудей
и в снегопаде страусиных перьев.
Смеркается глубоко в куче дров,
в цветниках
и ботанических садах.

Тускнеет в последних окнах
министерств, построенных
из игральных карт ума, из телефонной проволоки
и изоляты смет по зарплате.
Осенние письма
точных и тайных дел
ветер вручает прямо
в руки некомпетентным
ночным прохожим.
В парках патрулируют
растроганные влюблённые,
до зубов вооружённые
скорострельной сентиментальностью
сорок пятого калибра.

А потом везде неумолимо светает.
Над страницами газет,
встречаясь с ледяным воздухом,
шипят раскалённые отливки снов.
Статисты воодушевлённо перевоплощаются
в свои главные роли.
А бессильный режиссёр,
спрятав лицо в ладонях
и вышибленные пробки – в голове,
до одурения повторяет
последние четыре такта тишины.

Приватизация душ

Нам уже возвращают
наши собственные национализированные
и кооперированные души.
Каждому – свою.

Мы их не знаем,
хотя они достаточно помечены.

Они уже розданы.
Отныне мы вечно будем учиться
с ними жить.

Они наконец вздохнут
когда ми их в конце концов выдохнем.

Вынужденная посадка в твоих волосах

Самолёты выдумывают,
что они больше кораблей,
но кто высоко летает, тот низко падает.

Скорбь от победы
невыносима.

Во тьме твоих волос
мигают сияющие обломки
воздушных кораблей,
а на дно глаз
твоих падают сверкающие загадки.

Без слова –
будто улыбка на твоих губах –
жду своей возможности.

Зеркала после сумрака

Где-то сверкнуло,
как будто во мне засветилось
туманное воспоминание
о возникновении Вселенной.
Оно пахло цветами,
лепестки которых
снегом падали на наши тела
назло всем видам
коммунальных служб.
Твои глаза вопреки указаниям
самовольно блестели во тьме,
как будто отражая тусклый свет
незначительных взрывов на небе.
Ты меня упоительно лишала чувств
и ясного сознания
вопреки закону
о борьбе с алкоголизмом
и токсикоманией.

Это от тебя
я навсегда незаконно пьян.
До сих пор ты мне мечтой перехватываешь дыхание
в самые неподходящие минуты.
Ты рвёшься во мне,
как экспортная взрывчатка,
освобождающая энергию
фруктовых ядер.
Ты пульсируешь у меня в жилах,
назойливая, как резкий свет.

От постоянного нарушения
правил уличного движения
нас вечно будет изобличать
неугасающий пожар моей крови
в связанных зеркалах
твоих злаз.

Тягловые ангелы

И в конце
будет слово,
и у кого будет,
у того будет последнее.

До тех пор будет ветер
разносить заразные вести
об абсолютных душах,
свободных от содержания
алкоголя, воздуха, земли
и прочих нечистот.

Женщины – эти тягловые ангелы,
состоящие из огня и воды,
будут в дальнейшем терпеливо переносить
давление воздуха,
редуцированного на уровень мужчины.

И в конце концов
будет начало.

Ура, горит!
или
Четыре миллиона за убийство поэта
(отрывки)

2

Сезонные поэты,
критики на случай
и подёнщики из кафе
растворяют в утреннем кофе
блокноты и рубашки в клетку
в надежде
на более рациональные подсластители.

Вместе с рабочим временем
и другими активами государственного банка
мы надёжно течём в никуда,
иногда только нам мешает отлов
словацкий поэтов
для заморских зоологических садов.

4

После падения ангела
с двенадцатого этажа
свободное падение
стало олимпийской дисциплиной.

Развитие ракетопланов переходит
на принцип ангела,
как вертолёты.
Ангельские вертолёты
на воздушной тяге
стартуют с территории одуванчиков.

Углубление мира вплоть до подкопа
достигает высшей точки.
Поспешим-ка отсюда,
на этом месте
некогда изменять свет.

Через минуту нам присудят
Нобелевскую премию войны
и наши поэтические кишки
в первую очередь употребят на колбасы.

5

Слова отказываются слушаться.

Стихи трещат,
и выходит из них
сценарий видеоклипа...

Поэзия избегает слов.
Она брезгует ими.

Восстание против смерти
проходит после полудня
на набережной,
в случае неблагоприятной погоды
оно состоится в клубе пенсионеров.

Поймайте Бодлера
живым или мёртвым.

8

В спортивной форме лукавых поэтов
мы перелагаем в стихи
безосновательно и до омерзения
фотографии детства
и других времён года.
Мы пьём крепкий чёрный кофе осени,
без сахара и горький.

Куда подевались
дважды лирические герои,
награждённые за заслуги перед оргией?
Их консультативные и конвульсивные органы?
Они уже вновь заседают
на конференциях стран,
экспортирующих поэзию.

Похищают Елен и предвосхищают
резолуции в сути стиха.

11

Погасите воду.
Зажгите газ.
Пусть смогут умереть
бессмертные авторы
телевизионных сериалов.
Выдержите минуту без звука
в знак их нетленной памяти.

Строго засекречен
мужчина в положении (незавидном).
Все мы осуждены
только на пожизненное заключение.
Потом мы будем амнистированы.

12

На дне прозрачных озёр
сверкают колокола.
Акробатические птицы
легонько режут
дневной свет.
Падают соты
сладкого безветрия.

А когда стемнеет,
слышно искрение звёзд,
тяжёлые тона парфюмерии,
мерцающие огоньки
девичьего дыхания.

Ах, Словакия,
в целлофане,
в подарочном оформлении,
с надбавкой к цене
и в витрине валютного магазина.

In medias res publica.*

Да здравствует сперманентная революция.

Ошибку творения нельзя исправить.

* Соединение латинских выражений «In medias res» и «res publica».

13

Вылитая моя слеза.

Сахарная пудра уже снова улетает
на юг.

Сахар-песок медленно сыплется
в лужи, а кусковой покорно
принимает свою судьбу,
отложенный на зиму,
как её тихое предвестие.

К земле никнет он,
к землянике,
пусть закончится,
как и остальные летние случайности.

15

Искажённый юмор
входит в лавровый лист
на голове поэта,
который бдительно не почил
на лаврах.

Крылышки часов
и стрелочки насекомых
в нас возбуждают снег.
Вот она, травма нормализации.
Вот они, дома на окнах,
деревья на ветках
и птицы на перьях,
всё ни о чём
и ничего обо всём.

Кто-то как Бог

Тишина

Закрой окна, закрой двери,
слушай только заgrabную тишь.
Закрой окна, закрой губи,
всё тебе скажет молчание лишь.

Никакой музыки, никаких слов.
никакого звука и звона никакого.
Везде только мёртвая тишина
молчаливые корни запускает сурово.

За нашей спиной потихоньку
всё удлиняясь шагает собственная тень.
Хочешь ты или не хочешь,
тебя преследует каждый день.

Тишина немая, тишина глухая,
тишина, которую пистолетный ствол скрывает.
Перед грозой и после грозы
тихо, как в церкви, бывает.

Ничто и тишина принадлежат друг другу,
как неразлучные двое.
В пустом городе никде никого,
лишь страх, напуганный сам собою.

Последние три такта тишины
повторяются рядом с тобой иногда.
Но даже эта песня не слышна,
так как её не было никогда.

Ода шестому чувству

Реклама – явная борьба,
не то расти в себе раба.
Чья одолеет ворожба?
Заряд есть, без него – труба.

Пробей свинцовым словом времена,
слоганом ствол несёт привет.
Бумажная война нам не страшна,
коль наш поэт – не домасед.

Или же, вдохновлённый верой,
и для шитья сними замеры.
Перед кампании премьерой
необходимо чувство меры.

Навязли сладкие аккорды,
уже реклама бьёт рекорды.
Смазливый на афишах морды,
увёртки превратятся в «форды».

Реклама – чувства тонкий нрав,
оно шестым, наверно, было.
Клиент всегда бывает прав,
его пойми – и будет мило.

Одинокая молния
(*Мирославу Валеку в последний путь*)

Так, значит, ты уже взлетел
к своим звёздам,
зубами вцепившись в горящие волосы смерти.

Ночь, длинная, как лимузин,
плывёт нам навстречу.

Во мне умерли
давнопрошедшие луны,
погасли розы,
расцвели антрацитовые чернила.

На западе пассвечает –
всевидящий лазер
и всеведущий героин.

В саду души кровоточит дождь.

(*30 января 1991 г.*)

Умудрённые твоей смертью
(*Мирославу Валеку*)

Корни врастают в землю, словно гробы,
оперные певцы
звукописью горло полощут на сцене,
взбунтовавшиеся волны лижут берег лужи.

Всё это в первый миг
после того, как забыли об открытии Америки.

На дне своей души
каждый латает собственный Титаник.

Ночное небо сыплется на землю
переливчатым светом.

А мёртвые остаются с нами,
немые, словно укоры.

Большое убранство

Полотенца, которые здесь,
нас переживут.

Сорочки нас будут напоминать.

Костюмы и пальто
останутся после нас.

Столько вещей,
к которым добавится
лишь пыль,
в которую мы обернёмся.

Bon soir, mon Paris

Коль нынче ты, любовь, меня одаришь,
виновным будет, видимо, Париж.

Рисуют звёзды, падая, узоры до зари,
и к небесам плывут духи Soir de Paris.

Любовь, подобне Эйфелевой башне, ты горишь,
пока во мне сгорит твой ночной Париж.

Ты возле губ моих летаешь,
помадой алою сияешь,
из Moulin Rouge, танцуя, выплываешь.

Фатой воздушно-исчезающей паришь,
как твой немислимо-загадочный Париж.

Марихуановым видением манишь,
но дышит наяву расцветенный Париж.

Пусть в этом Woo-doo сокрыто колдовство,
я чувствую духов тех волшебство.

За трое суток тайно нарядил
тобой я выставку Mondial de l'automobile.

Зачем меня, любовь, ты больше не томишь,
когда дождь за стеклом и так грустит Париж.

Как бары яркие, меня к себе бери,
парфюм влекущий Soir de Paris.

Я верю, что ты станешь кроткой, словно мышь,
любовь. Так вечной будь, как сладостный Париж!

Всех муз созвать и пить на творческий манер
в кафе поблизости от École Militaire.

Но лучше, чем ценнейшие дары,
лишь чудный парфюм Soir de Paris.

Ты, чувствую, под крышкою таишь
ночь ароматную, как сказочный Париж.

Хочу, чтоб ты, любовь, была мне верной,
такой же, как фантазия – Жюль Верну.

В тебе, любовь, как в соннике, я вижу.
Непостижимы вы, духи Парижа.

Уж музыка весны звучит всё ближе -
настойчиво, как аромат Парижа.

Да будет запах твой

Нью-Йорк

На горизонтальном зеркале
вытянутого залива
ворчат вышки гранёного города,
вонзённые прямо в звёздное небо.

В мерцающем море ламп
чудесно терпят крушение
флиртующие, вышитые блёсками лодочки
на твоих возбуждающих ногах,
плавающих в трюме
вечерного парчового платья.

Мы внезапно без вести пропадаем,
как иглы в лабиринте станиоля.

Некоторые вещи мы примем близко к сердцу –
очень длинные лимузины,
линяющие белочки в центральном парке
и металлическое тело мёртвой Свободы.

В Нью-Йорке раньше всего вечерет.

Зажигается мерцающая тьма.
Тысячeroжковая люстра мегаполиса
пишет каждый вечер на блестящей поверхности воды
закон Эйнштейна о скорости света.

Но ещё до этого сумерки затопят
серебряное полотно ньюйорского неба
гектолитром голливудской крови.

Куда шагает империя из мрамора и стекла?
Куда нацеливаются ракеты стройных небоскрёбов?

Бог покупает себе хот-дог
на дне шестидесятиэтажной улицы.

Бог – негр

и любит серый цвет бетона.

Родился сын самого себя
в бумажной коробке
от раба образца последнего времени.

Грустный Новый год в конце столетия

Друзья и враги
детства
исчезают из нашей памяти

Кто играет нашими судьбами
в роковые шахматы?

На бело-белой шахматной доске
чёрно-чёрные фигурки
внезапно краснеют
от крови
из свежих новостей

Мы падаем под стол
полностью трезвые
и совершенно мёртвые

Пушкин

Поэт порою ранней
стрелял вне ожиданий.

От смятых матовых пожарищ мятежа его созданий
непостижимо рвётся в небо жертвы дым.

Поэт в стволе оружия застонет.
Любой герой раз в жизни дорогого стоит.
В конце всегда мы в громе поражений с рифмою сторим.

Умыкание в вечность

Ангелы на гражданке
наблюдают за нами в аквакуме.

Но мы молчим
и с открытым ртом
бросаемся головой в стекло.

Они освещают автогеном
каждое из наших последних движений.

Гистологические препараты тишины
они кладут под микроскоп,
чтобы увеличить наше страдание.

Жизнь нас однажды всех выключит,
как телевизор,
мы ей надоедим,
перестанем её развлекать.

В ладонь я шепчу
труднопроизносимое имя,
и из рукава у меня валятся
одни джокеры.

Подснежники сыплют снежинки.
Книги воскресают из мёртвых.

Стареть или убить себя? –
вот в чём вопрос.

А ответы мелькают вокруг нас
при быстрой езде
на резких поворотах
от которых нет пути назад.

Служелания

Вызови обжелуживание
определись со служелабным положением
стань моим мечтоданным
страстой в ночном стремзоре
О бесценное взаимое служение

Мы только мечтотники-страстоголики
и утром у нас снова увеличится мечтаж

Косово

Горящий
бумажный
Гёте
молится
по-сербски
за четыреста мёртвых детей

В каменном глазу Шиллера
блестит слеза ртути

Это цыганский плач
за маленькой цыганской русалкой
на дне Адриатического моря

У крови
неотразимый цвет
синеватого небесного рассвета
из которого она падает
лёгкая и мерцающая
будто спрей майского дождя
чтобы она удобрила израненную землю

Шаровая древолния

Нахмуренная древолния
снова бушует

Древолния встряхнёт развесистыми искорками
и наполнит вселенную потрескавшимся светом

Безумная древолния стремглав ринется
в пропасть шума

Блескающее яблоко
из кроны невероятной древолнии
ударится далеко от грома и молнии

Неумолчные древолнии
не слышат даже свист звёзд
кружащихся вокруг твоих волос

Тихий дровашний уют

В дровашном воздухе
пахнет дровашним хлебом

Усталые деревья
потихоньку деревячатся в деревню
с корзинами переплетёнными
как разорванные струны

Дровнишнее очарование
когда запах свежераспиленных дров
чувствуешь уже за дровомом
когда деревянная мебель мечтает
об утраченной навсегда древесимье
а на крылесе сидит
старенький дровник
вечный дровосед
неотёсанная дровенщина
несгибаемый дровояка

Он не сводит глаз от дровома
который пока что из последних сил
дровогаётся своего
дровянского титула

Только деревья догадаются
лишь деревья раскусят в чём дело
одни деревья нас понимают
домоуверенные дровевья

И если мы это додомаем до конца
на нас посыплются деревящие воспоминания
покинутого пнясионера

Древчатления вырванные с корнями
осдервенелая земля
ободрованные колосья

И опять вокруг нас разыграется безжалостная игра
в дровака и дровино
деревья падающие одно за другим

в невоскресимую тишину
самых сокровенных душевных глубин

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Шведова: О Павле Янике – поэте	3
<i>Недостовверные известия</i>	5
Лето. Пер. Н. Шведовой	5
Тебе. Пер. Н. Шведовой	6
Похищение. Пер. Е. Тамбовцевой	7
Вмешательство. Пер. Н. Шведовой	8
Рояль. Пер. Е. Тамбовцевой	9
Супружество. Пер. Н. Шведовой	10
<i>Зеркало в конце лета</i>	11
Слово. Пер. Е. Тамбовцевой	11
Без слов. Пер. Е. Тамбовцевой	12
Преждевременно. Пер. Н. Шведовой	13
Однажды. Пер. Е. Тамбовцевой	14
Непроизнесённая. Пер. Н. Шведовой	15
Квартира. Пер. Е. Тамбовцевой	16
Зеркало в конце лета. Пер. Е. Тамбовцевой	17
Натюрморт в пепельнице. Пер. Н. Шведовой	19
Кружение. Пер. Н. Шведовой	20
По случаю. Пер. Е. Тамбовцевой	21
<i>До свидания во множественном числе</i>	22
Ex offo. Пер. Н. Шведовой	22
Le роёте de luxe. Пер. Е. Тамбовцевой	24
Воспоминание. Пер. Е. Тамбовцевой	25
Неотложное стихотворение. Пер. Н. Шведовой	26
Мольто адажио. Пер. Н. Шведовой	27
<i>Ура, горит!</i>	29
Договор о перемирии души и тела. Пер. Н. Шведовой	29
Дерево в первом лице единственного числа. Пер. Е. Тамбовцевой	31
Нарастить себе ум. Пер. Д. Анисимовой	32
У стола. Пер. Е. Тамбовцевой	33

Exegi monumentum. Пер. Н. Шведовой	34
Хризантематика. Пер. Н. Шведовой	35
Сон из стекла. Пер. Н. Шведовой	36
Четыре последних такта тишины. Пер. Д. Анисимовой	39
Приватизация душ. Пер. Е. Тамбовцевой	40
Вынужденная посадка в твоих волосах. Пер. Е. Тамбовцевой	41
Зеркала после сумрака. Пер. Н. Шведовой	42
Тягловые ангелы. Пер. Е. Тамбовцевой	43
Ура, горит! (2, 4, 5, 8, 11, 12, 13, 15). Пер. Н. Шведовой	44

***Кто-то как Бог* 48**

Тишина. Пер. Е. Тамбовцевой	48
Ода шестому чувству. Пер. Н. Шведовой	49
Одинокая молния. Пер. Н. Шведовой	50
Умудрённые твоей смертью. Пер. Н. Шведовой	51
Большое убранство. Пер. Е. Тамбовцевой	52
Bon soir, mon Paris. Пер. Е. Тамбовцевой	53

***Да будет запах твой* 55**

Нью-Йорк. Пер. Е. Тамбовцевой	55
Грустный Новый год в конце столетия. Пер. Н. Шведовой	57
Пушкин . Пер. Н. Шведовой	58
Умыкание в вечность. Пер. Н. Шведовой	59
Служелания. Пер. Д. Анисимовой	60
Косово. Пер. Е. Тамбовцевой	61
Шаровая древолия. Пер. Д. Анисимовой	62
Тихий дровашний уют. Пер. Д. Анисимовой	63

Павел Яник
ПОЧИНКА ТИТАНИКА

Технический редактор *Л. Осепян.*
Корректор *Е. Широкова.*

Сдано в набор 30. 03. 2004.
Подписано к печати 20. 04. 2004.
Формат 70x100 ¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура "Таймс".
Печ. л. 4,75. Тираж 500 экз.
Заказ № 157. С-14.

Издательство «Гриф»,
248650, Калуга, ул. Кирова, 20.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ГП «Облиздат»,
248640, г. Калуга, пл. Старый торг, д. 5
Тел. (084-2) 57-40-70